

УДК 821.161.1+7.046+929Шолохов

МИФОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СУДЬБЕ В ТВОРЧЕСТВЕ М. А. ШОЛОХОВА

С. А. Ефремов

Тверской государственной университет
кафедра филологических основ издательского дела и документоведения

В статье исследуются наиболее характерные для творчества М. А. Шолохова случаи употребления лексемы «судьба» и её синонимов. Главное внимание уделяется мифологизированному представлению о судьбе как одному из вариантов репрезентации концепта «судьба» в творчестве писателя. Делается вывод о том, что все случаи употребления данной лексемы и синонимичных ей у М. А. Шолохова мотивированы и обусловлены особенностями мировоззрения писателя и характером его героев.

Ключевые слова: *М. А. Шолохов, судьба, рок, жребий, хаос, мифология, суд божий*

Если рассматривать произведения М. А. Шолохова, учитывая только статистические данные о частотном употреблении слова «судьба», то может создаться впечатление, что писателя проблема судьбы волновала мало. Так, во всех «Донских рассказах» лексема «судьба» встречается только в одной реплике, а в рассказе «Судьба человека» [16, т. 8, с. 32–67], кроме его названия, автор больше ни разу её не использовал. Столь же редки или совсем не употребляются такие синонимичные лексемы, как «предопределение», «рок», «доля», «участь», «фатум». В то же время символические названия некоторых рассказов писателя непосредственно связаны с представлением о судьбе: «Родинка» [16, т. 1, с. 11–20], «Коловерть» [16, т. 1, с. 149–165], «Путь-дороженька» [16, т. 1, с. 75–119], «Кривая стёжка» [16, т. 1, с. 180–190].

Анализ творческого наследия художника позволяет сделать ряд выводов, свидетельствующих о закономерности употребления в нём слова «судьба». У М. А. Шолохова достаточно последовательно прослеживается устойчивая тенденция к дифференциации употребления слова «судьба» в зависимости от авторского замысла и ситуации, в которой оно используется. Задачей данной статьи является рассмотрение самых древних, мифологизированных представлений о судьбе в произведениях классика советской литературы, поскольку эта тема практически не исследовалась в шолоховедении.

Начальные представления о судьбе восходят к мифологии, и хотя персонифицирование судьбы уже давно не актуально, тем не менее, в некоторых ситуациях можно обнаружить остатки древних воззрений. Особенно ярко они проявляются в случаях, когда с позиций детерминизма невозможно вывести какую-либо закономерность в наступлении определённых событий, которые у Шолохова, как правило, окрашены в драматические, а часто и в трагические тона. Так, в романе «Поднятая целина» про Демида Молчуна сказано: «*Но как-*

то пятнила его судьба обидами, обделяла, как пасынка... Он пять лет жил у Фрола Дамаскова в работниках, потом женился, отошёл на своё хозяйство. Не успел обстроиться – погорел. Через год ещё раз пожар оставил ему на подворье одни пахнувшие дымом сохи. А вскоре ушла жена, заявив: “Два года жила с тобой и двух слов не слышала. Нет уж, живи один!”» [16, т. 6, с. 60].

Метафора «обделяла, как пасынка» [16, т. 6, с. 60] включает судьбу в круг членов семьи, где она играет роль злой мачехи, с нелюбовью относящейся к своим приёмным детям, что традиционно для народно-поэтического мировосприятия: «У судьбы как живого существа женский характер... женский характер судьбы ассоциативно перекликается с представлением о разрушающем женском начале, о хаосе, свойственном судьбе как стихийной силе» [5, с. 141]. Подобное семейно-родственное или близкое к нему приятельское отношение к персонифицированной судьбе-злодейке свойственно фольклору и многим произведениям древнерусской литературы («Слово о полку Игореве» [12], «Повесть о Горе-Злочастии» [9] и др.). «Далеко не случайны все преимущественно женские персонификации судьбы, существовавшие в разных мифологиях... ведь все они так или иначе уходили корнями в глубиннейший первоосновной архетип матери-природы как определённого порядка бытия» [11, с. 29]. В этом, на наш взгляд, проявляется характерная для художественного мира М. А. Шолохова связь человека с природой, особая роль образа земли, которую отмечают многие исследователи: «Это и природная стихия, и мать-кормилица, и место, где человек родился, вырос, где кровные узы связали его с родными людьми, и возлюбленная, любимая, и хранительница казака, и возрождающая сила, и лоно, принимающее в себя тело человеческое» [7, с. 269]. Глагол «обделяла» тоже неслучаен, он происходит от слова «делить», т.е. выделять долю. А доля, или удел, и есть «жребий, участь, судьба, рок» [13, стб. 1152].

Более того: судьба не только обделяла, но и пятнила Демида обидами, оставляла свою метку. Обычай пятнить, наносить несмываемое пятно или иную приметку существовал, чтобы указать на человека, нарушившего определённые моральные нормы. Как особая отметка судьбы воспринимались и физические недостатки, ущербность человека: «Признаюсь, я имею сильное предубеждение против всех слепых, кривых, глухих, немых, безногих, безруких, горбчатых и проч. Я замечал, что всегда есть какое-то странное отношение между наружностью человека и его душою: как будто с потерю члена душа теряет какое-нибудь чувство» [8, т. 4, с. 226–227]. Вариант этого народного представления мы видим у М. А. Шолохова, когда Островнов думает про одногоглазого хорунжего Лятевского: «Поганый человек, никакой веры я ему не даю. Недаром пословица говорит: “Не верь кривому, горбтому и своей жене”» [16, т. 7, с. 15].

Для Шолохова характерно заменять слова, прямо называющие судьбу, авторскими метафорами, которые у него всегда образны и разнообразны. Например: «Вокруг непокорных станиц сомкнулось стальное кольцо фронтов. Тень обречённости тавром лежала на людях» [16, т. 4, с. 277]. Здесь лексема *обречённость* фактически является синонимом рока, слова, которое М. А. Шолохов практически нигде не употребляет, что вполне закономерно, т.к. лексема *рок* несвойственна обыденной разговорной речи, тем более речи простонарод-

ной, крестьянской. В толковых словарях современного русского языка у этого слова обычно стоит помета устаревшее, высокое, поэтическое.

Обречённость как рок мыслится писателем предметно, она отбрасывает тень. Он не говорит категорически, что обречённость полностью распоряжается судьбами и жизнями людей. Слово *тень* как бы сглаживает чересчур прямолинейное утверждение, оно лишь ассоциируется с угрозой. Это не та тень, которая спасает в солнечный жаркий день, а некий отблеск чего-то тёмного, страшного, что заставляет вспомнить о царстве теней, т.е. потустороннем мире. В то же время знаки судьбы в народном представлении могут не только грозить роковыми последствиями, но и, наоборот, предвещать счастье, удачу. Так, в рассказе «Родинка» военком, увидев у Николки *«родинку... величиной с голубиное яйцо, на левой ноге, выше щиколотки... сказал, хлопая Николку по сутулой и чёрной от загара спине: "Ты того... того... Ты счастли... счастливый! Ну да, счастливый! Родинка – это, говорят, счастье»* [16, т. 1, с. 12]. Однако вопреки примете, судьба героя заканчивается трагически, родинка не спасает его от гибели.

На Демиду Молчуна судьба обрушивается как стихия, его хозяйство сгорает, причём дважды, что, без сомнения, уже нельзя считать простым совпадением. Изначально архетип стихии связан с представлением о хаосе, которое лежит в основе античной философии судьбы: *«Самовластие судьбы как высшей силы, её неуправляемость сближает образ судьбы с образом стихии, не зависящей от воли человека»* [5, с. 138]. Природная стихия непредсказуема, человек со всей силой своего разума не может понять, почему она наносит ущерб одному и минует другого: *«...Скажи, как всё одно и бог за эту окаянную власть! То, бывало, всё неурожаи да недороды, а то с двадцать первого года прямо-таки ломучие хлеба! Вся природность стоит за советскую власть...»* [16, т. 6, с. 358]. Здесь действительно единственным объяснением становится вмешательство трансцендентных сил.

Стихию, действительно неподвластную человеку, мы видим, например, в рассказах «Алёшкино сердце» [16, т. 1, с. 45–60], «Нахалёнок» [16, т. 1, с. 120–148], «Обида» [17, т. 8, с. 58–69] и др. Эта стихия – засуха. Для земледельческих народов засуха и вызванный ею неурожаем становятся грозной, непостижимой и неуправляемой силой, обрекающей человека на нищету и гибель: *«Два лета подряд засуха дочерна вылизывала мужицкие поля. <...> Следом шагал голод. Алёшка представлял себе его большущим безглазым человеком: идёт он бездорожно, шарит руками по посёлкам, хуторам, станциям, душит людей и вот-вот чёрствыми пальцами насмерть стиснет Алёшкино сердце»* [16, т. 1, с. 45]. Здесь голод имеет все признаки судьбы: он неслучаен (длится два лета подряд), персонифицирован – представляется в виде большущего человека. Так же, как слепая судьба, он не имеет глаз. Очень точная метафора («шарит пальцами») говорит о случайности выбора жертв. Как и судьба, голод связан со смертью.

Но если засуха одинаково страшна для всех, то такие бедствия, как пожар, болезнь, кража, смерть близких и другие подобные несчастья, индивидуальны, они касаются только отдельного, конкретного человека. Отсюда обида на судьбу: почему, по какой причине она выбрала для наказания именно меня? Мотив неза заслуженного наказания, мотив страдания невинных проходит через

всё творчество М. А. Шолохова, достигая своего апогея в шедевре «Судьба человека»: «*“За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что так исказила?” Нету мне ответа ни в темноте, ни при ясном солнышке... “Нету и не дождусь!”*» [16, т. 8, с. 46].

Обида возникает, когда человек не чувствует себя виноватым, когда он видит, что к нему относятся несправедливо: «*Вот она какая судьбина... пала... – глухо уронил Афонька и, ломая в руках кнутовище, стениющим голосом крикнул: – Обидели!..*» [17, т. 8, с. 65].

Этот маленький эпизод в «Обиде» – единственное непосредственное упоминание о судьбе во всех «Донских рассказах». Строго говоря, здесь фигурирует даже не сама судьба, а её народный вариант, имеющий свои особенности употребления, свой особый смысл: «*Устаревшая лексема “судьбина”, как это ни парадоксально, ближе к словам “жребий”, “удел”, “участь”, “доля”, чем к однокоренному существительному “судьба”... Также в отличие от судьбы, которая складывается хотя и под влиянием высших сил, но не без участия человека, судьбина человеку неподконтрольна*» [1]. И действительно, в рассказе «Обида» и в некоторых других произведениях М. А. Шолохова судьба ассоциируется с выпавшим жребием: она «пала», т.е. выпала, как выпадает орёл или решка при метании монеты-жребия: «*Казаки играли в жизнь, как в орлянку, и немалому числу выпадала “решка”*» [16, т. 4, с. 277].

Важнейшая особенность жребия – его полная непредсказуемость и независимость от кого-либо, будь то человек, бог, или даже само мифическое существо, отвечающее за судьбу. Жребий выпадает сам собой, он абсолютно индетерминирован, иррационален, никак не связан ни с чьей волей, ни с чьим желанием, ни с чьими добродетелями и заслугами, ни с какими нравственными качествами личности. Это представление, так же, как и о судьбе в женском обличии, восходит к древнейшим верованиям: «*Всё, что связано с “судьбой”, есть область некоего изначального жребия*» [2, с. 113]. Ситуация Демида Молчуна вполне укладывается в известное выражение «беда не приходит одна». Если пожар как стихия действительно непредсказуем и случаен, то уход жены имеет вполне земные и понятные объяснения: «*Два года жила с тобой и двух слов не слышала*» [16, т. 6, с. 60]. Причина кроется в самом Демиде, в его характере. А в итоге случайное накладывается на естественное, и возникает клубок неразрешимых противоречий, объяснить которые можно только одним словом – судьба.

Случаи Демида и Афоньки восходят к самым древним, исконным представлениям о судьбе, когда человек ощущал себя абсолютно незащищённым перед её неумолимой и слепой силой. Попытку преодолеть, смягчить, объяснить то тёмное и непонятное, что она скрывает, можно обнаружить в произведениях фольклора, где наказание является следствием нарушения запрета, где есть волшебство, но нет случайного, где рисуется картина идеального, устроенного по законам справедливости мира, и добро, как правило, побеждает зло. В соответствии с фольклорными традициями мстит судьба одному из героев «Тихого Дона»: «*У Томилина Ивана падала на улицу стена хаты, держала её врытая в землю рогатая подпорка, видно, мстила лихому артиллеристу судьба за те немецкие и русские домики, которые разрушил он, будучи наводчиком*» [16, т. 3, с. 61]. Здесь месть судьбы справедлива, она нравственно оправдана и является

возмездием за предыдущую жизнь Ивана Томилина. Однако М. А. Шолохов в свойственной ему художественной манере не утверждает прямолинейно, что беды лихого артиллериста непосредственно связаны с судьбой, он сглаживает категоричность вводным словом со значением предположения: видимо.

Более откровенно и безапелляционно мотив возмездия присутствует в древнейшей мифологеме судьбы – в представлении о высшем, самом справедливом, божьем, суде. Этот библейский мотив очень ярко выражен в народном сознании, что закреплено во многих пословицах и поговорках, духовных стихах, притчах и легендах. Он широко распространён и в художественной литературе: «Поэма о старом моряке» С. Т. Кольриджа [6, с. 155–177], «Суд божий над епископом» В. А. Жуковского [4, с. 156–159], «Смерть поэта» М. Ю. Лермонтова [8, т. 1, с. 372–374], «Страшная месть» Н. В. Гоголя [3, с. 244–282] и др. По мнению исследователей, с понятием божьего суда связано одно из самых первых представлений славян о судьбе, в древнерусском языке слово «судьба» чаще всего употреблялось со значением «суд», «правосудие», «приговор», «суд божий» [15, с. 216]; «в славянском тексте везде вместо слова “судьба” стоит “суд”» [10].

У М. А. Шолохова этот мотив не дань литературной традиции и не расхожий штамп, для его героев божий суд – часто единственная надежда на справедливость: *«Давыдов – после недолгого молчания – услышал дрогнувший голос Варинной матери:*

– Видать, без материнского согласия договорились? Ну что ж, бог вам судья, я Варьке зла не желаю, но ты, матрос, мою девку не позорь!» [16, т. 7, с. 341–342].

Ещё более ярко вера в божий суд как возмездие за сломанную жизнь выражена в одной из кульминационных сцен «Тихого Дона»: *«Господи, покарай его! Господи, накажи! – выкрикивала Наталья, устремив обезумевшие глаза туда, где величаво и дико громоздились тучи, вздыбленные вихрем, озаемые слепящими вспышками молний»* [16, т. 5, с. 158].

Между местью судьбы и божьим судом существует принципиальная разница: месть судьбы может быть слепа, может быть неадекватна тяжести совершённого проступка, в конце концов, судьба может и вовсе не покарать виновного, что бывает очень часто в произведениях писателя. Суд божий рано или поздно всё равно настигнет, он точно определит степень вины каждого, и человеку заранее известно, за что ему придётся отвечать.

В творчестве М. А. Шолохова есть ещё одно отличие судьбы от суда божьего: это разный временной план, в котором реализуются данные категории. Мифологизированное представление о судьбе у него связано с уже свершившимися событиями, *«судьба мыслится как результат некоторого действия, причём действия завершённого, законченного; это сообщает концепту судьбы семантический признак перфекта. Именно с этим признаком связан широко распространённый в фольклоре и литературе мотив неотвратимости и непреодолимости судьбы – ведь то, что уже состоялось, нельзя предотвратить»* [14, с. 143]. Суд же божий – это действие, которое должно произойти в будущем, хотя человеку не дано знать, когда наступит это будущее: на другой день, через неделю или год, или вообще в потусторонней жизни, в ином бытии.

Безусловно, что с позиций материализма разница между самыми древними, по существу, языческими представлениями о персонифицированной судьбе и христианским учением о божьем провидении во всех его разновидностях – небольшая, поскольку и язычество, и христианство мыслятся как проявление мифологического сознания. Подобное смешение, вернее, неразличение довольно часто происходит на обыденном уровне. Однако в художественном произведении эта разница весьма значима и позволяет лучше понимать мировоззрение писателя и характеры его героев.

Список литературы

1. Апресян, В. Ю. Семантика и прагматика судьбы [Электронный ресурс] / В. Ю. Апресян // Материалы междунар. конф. «Диалог 2006». – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials>. – Дата обращения: 20.01.2012. – Загл. с экрана.
2. Бокадорова, Н. Ю. Семантическое поле «судьбы» у французских энциклопедистов [Текст] / Н. Ю. Бокадорова // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М. : Наука, 1994. – С. 110–115.
3. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. 1. Ганц Кюхельгартен. Вечера на хуторе близ Диканьки [Текст] / Н. В. Гоголь ; ред. М. К. Клеман – М.; Л. : Издательство АН СССР, 1940. – 554 с.
4. Жуковский, В. А. Сочинения. В 3 т. Т. 2. Баллады; Поэмы; Повести и сцены в стихах [Текст] / В. А. Жуковский ; сост. и коммент. И. М. Семенко. – М. : Художественная литература, 1980. 493 с.
5. Ковшова, М. Л. Концепт судьбы. Фольклор и фразеология [Текст] / М. Л. Ковшова // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М. : Наука, 1994. – С. 137–142.
6. Кольридж, С. Т. Стихи [Текст] / С. Т. Кольридж ; изд. подгот. А. А. Елистратова, А. Н. Горбунов. – М. : Наука, 1974. – 280 с. – (Лит. памятники).
7. Котовчихина, Н. Словарь гения – язык народа (словарь языка Шолохова) [Текст] / Н. Котовчихина // Наш современник. – 2005. – № 12. – С. 268–272.
8. Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений [Текст] : в 4 т. / М. Ю. Лермонтов ; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) ; изд. 2-е, испр. и доп. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979–1981. – Т. 1 : Стихотворения, 1828–1841. – 1979. – 648 с. – Т. 4 : Проза. Письма. – 1981. – 542 с.
9. Повесть о Горе-Злочастии [Текст] ; изд. подгот. Д. С. Лихачёв, Е. И. Ванеева. – Л. : Наука, 1984. – 110 с. – (Лит. памятники).
10. Святитель Николай Сербский. Миссионерские письма. Письмо 184. Томе С., о «судьбе». [Электронный ресурс] / Николай Сербский, Святитель // Православие и современность. – Электронная библиотека. – Режим доступа: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikolay/letters/letters.pdf>. – Дата обращения: 15.01.2012. – Загл. с экрана.
11. Семёнова, С. Г. Odium fati как духовная позиция в русской религиозной философии [Текст] / С. Г. Семёнова // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М. : Наука, 1994. – С. 26–33.

12. Слово о полку Игореве [Текст] : вступ. ст. Д. С. Лихачёва ; сост. и подгот. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва ; примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. – Л. : Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1967. – 540 с.
13. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. В 4 т. Том I [Текст] ; под ред. А. И. Бодуэна-де-Куртене. – СПб.-М. : Издательство «Говарищество М. О. Вольфа», 1903. – 877 с.
14. Толстая, С. М. «Глаголы судьбы» и их корреляты в языке культуры [Текст] / С. М. Толстая // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М. : Наука, 1994. – С. 143–147.
15. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст] : в 2 т. / П. Я. Черных ; 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 2. – 560 с.
16. Шолохов, М. А. Собрание сочинений [Текст] : в 8 т. / М. А. Шолохов. – М. : ГИХЛ, 1956–1960. – Т. 1 : Рассказы. – 1956. – 351 с. – Т. 3 : Тихий Дон: (Роман в четырёх книгах). Книга вторая. – 1957. – 408 с. – Т. 4 : Тихий Дон: (Роман в четырёх книгах). Книга третья. – 1957. – 444 с. – Т. 5 : Тихий Дон: (Роман в четырёх книгах). Книга четвёртая. – 1957. – 504 с. – Т. 6 : Поднятая целина: (Роман в двух книгах). Кн. 1. – 1958. – 376 с. – Т. 7 : Поднятая целина: (Роман в двух книгах). Кн. 2. – 1960. – 416 с. – Т. 8 : Рассказы, очерки, фельетоны, статьи, выступления. – 1960. – 404 с.
17. Шолохов, М. А. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 8. Ранняя проза. 1925–1927 гг. ; Очерки, статьи, фельетоны, выступления (1923–1958) [Текст] / М. А. Шолохов. – М. : Терра-Книжный клуб, 2002. — 384 с.

MYTHOLOGIZE CONCEPTS OF FATE IN THE WORKS OF M. A. SHOLOKHOV

S. A. Efremov

Tver State University

Department of the philological foundations of publishing and documentation

The author explores the most typical occurrences of the token “fate” and its synonyms in the works of M. A. Sholokhov. The main attention is paid to the mythological conception of fate as are presentation of one embodiment of the concept of “fate” in the writer’s work. It is concluded that all occurrences of the token and its synonyms with Sholokhov motivated and conditioned by the peculiarities of the writer's out look and character of his heroes.

Keywords: *M. A. Sholokhov, fate, lot, chaos, mythology, God's court*

Об авторах:

ЕФРЕМОВ Сергей Анатольевич – соискатель кафедры филологических основ издательского дела и документоведения Тверского государственного университета, e-mail: irina_efremova_tver@rambler.ru, 170100, Тверь, ул. Желябова, 33.

Научная библиотека ТвГУ